

Mélanges asiatiques
tirés du
Bulletin de l'Académie Impériale des sciences
de
St.-Petersbourg.

Tome XI.
(1895 - 1901.)

St.-Petersbourg, 1901.

Замѣтки по буддизму.

В. Васильева.

(Доложено въ засѣданіи Историко-филологическаго отдѣленія 3-го декабря 1897 г.).

V.

Хотя и на моей памяти, но тому уже болѣе 60 лѣтъ, какъ изученіе буддизма представляло совершенно terra incognita. Первая, попавшаяся въ руки книжка изъ обширной литературы, составляла новость и клалась въ основу сужденія объ этой религіи. Я помню отзывы знаменитаго нашего академика Шмидта, тогда еще только знавшаго калмыцкій языкъ (впоследствии онъ первый проложилъ дорогу къ изученію тибетскаго), что, кто прочиталъ Алтанъ Гэрэлъ (Суварна праб'аса འཇམ་མགས་པོའི་འཕྲིན་ལོན་), тотъ владѣеть ключемъ къ изученію буддизма, — и такой отзывъ возбудилъ во мнѣ самолюбивое желаніе отличиться: моя диссертація на званіе кандидата была посвящена именно разбору (можетъ быть, чрезъ пень въ колоду) этой книги. Послѣ, на полученіе степени магістра (въ 1839 г.), я передалъ содержаніе Праджня-Парамиты, книги занимающей мѣсто нашего Евангелія во всѣхъ тибетскихъ кумирняхъ (въ китайскихъ ея мѣсто занимаетъ Хуа-янь-цзинь). Конечно, я сталъ передавать, сколько могъ вѣрно, содержаніе этой книги, поражающей своимъ объемомъ (предполагается 100000 словъ въ 12 томахъ), но все-таки долженъ сознаться, что не зналъ значенія этой книги въ массѣ литературы, которая вся предполагается написанной со словъ самого Будды (въ китайскомъ Сань-цзанъ — три Пятаки, въ тибетскомъ Гань-чжуръ — слово Будды). Я тогда не могъ даже догадаться, что имѣю дѣло съ литературной частью тѣхъ книгъ, которыя называются *Vaiṇuṃyā* — раздутыми, т. е., такими, которыя избѣгали всячески мѣстоимѣній: эготъ, онъ, — хотя замѣтилъ, что часто цѣлый томъ можно прочитать наизусть, не открывая его. Это все то же, что если бы вы, напримѣръ, набравъ до сотни именъ: Иванъ, Петръ и проч., не сказали бы: всѣ они глупы, дураки, ослы, похожи и не похожи другъ на друга, а стали бы, перечисляя каждое имя, прибавлять къ каждому особо по сказуемому, т. е., сказали бы:

Иванъ глупъ, Петръ глупъ, а потомъ, перечисливъ всѣ взятыя имена, стали бы опять прибавлять къ каждому имени отдѣльно: Иванъ дуракъ, Петръ дуракъ и т. д.

Наконецъ, съ изданіемъ Бюрнуфа: *Introduction à l'histoire du Bouddhisme*, начинается правильное изученіе буддизма; перестали уже ходить ошупью. Могу приписать нѣкоторую долю чести и себѣ въ развитіи свѣдѣній упомянутаго труда въ появившемся впоследствии (въ 1857 г.) изданіи Академіи Наукъ 1-й части моего Буддизма. Мнѣ кажется, что я сообщалъ въ большемъ объемѣ свѣдѣнія о буддизмѣ, представивъ изложеніе теоретическихъ мнѣній всѣхъ различныхъ школъ, появившихся въ Индіи. Теперь очень жалѣю, что отложилъ разсказъ о практическомъ примѣненіи этихъ теорій; хотя это примѣненіе началось еще и въ Индіи и сохранилось въ сборникѣ китайскихъ цзиновъ, принадлежащемъ болѣе раннему времени, чѣмъ тибетское собраніе (тамъ можно найти очень много статей, большихъ и малыхъ, о смыслѣ волхвованія, даже первообразы тибетскихъ тантръ), но я отложилъ все это тогда до перехода къ обзорѣ ученія буддизма въ Тибетѣ. Окончательный сводъ разработки этого изученія сохранился въ практической системѣ волхвованія: རྣམ་པུན་འཇུག་ — Нгаг-рим Цзонхавы, который теоретически входилъ по моему плану въ предполагавшееся мной изданіе второй части. Тоже подъ видомъ сказаннаго будто самимъ Буддой, въ эти тантры вошли даже будто найденныя въ кладахъ въ самомъ Тибетѣ, хотя тибетцы и увѣряютъ, что онѣ были принесены изъ Индіи. Я до сихъ поръ не рѣшаюсь утверждать, что, если эти тантры дѣйствительно пришли изъ Индіи, то онѣ появились въ ней уже тогда, когда китайцы прекратили изученіе индійскаго буддизма.

Между тѣмъ безъ этого Нгаг-рима, или, безъ изученія его системы, мнѣ казалось, что мы какъ будто остановились на полпути. По моему мнѣнію, сколько я впрочемъ наслушавъ объ индійскихъ религіяхъ: Шивы ли, Вишну ли, Чжайны ли и прочихъ, которыя будто заразили и буддизмъ, мнѣ кажется, что только одинъ буддизмъ представляетъ изъ себя полный образчикъ того, какъ религія, начавшаяся съ физической, а потомъ и философской пустоты, могла договориться, такъ сказать, до чертиковъ. Началась она, какъ я не разъ упоминалъ, съ простого отрицанія физическихъ и моральныхъ требованій, съ безотраднaго ищненства, не допускавшаго никакихъ теорій, съ бездушнoй Нирваны, которая отрекалась всякой прошедшей и будущей жизни (нельзя даже лечиться!); — потомъ, мало-по-малу, соблазняется жизнью: ей уже нужно и платье, нужна и подстилка, чтобы не сидѣть на голой землѣ, потомъ является и шалашъ, въ которомъ едва можно устѣться съ сложенными ногами; дальше, и мы доходимъ до огром-

ныхъ монастырей, къ которымъ даже приписаны крѣпостныя¹⁾. Нужно освѣтить эту жизнь и мыслью — все къ вашимъ услугамъ: собственный ли взглядъ, чужая ли проповѣдь, намъ-то не все-ли равно, только бы слушала и вѣрла!

Сначала и самъ-то будущій Будда является еще не, Богъ знаетъ, какимъ мудрецомъ въ Лалитавастарѣ. Показавъ свое превосходное искусство въ стрѣльбѣ и гимнастикѣ, онъ отличается и въ умѣнїи считать: — онъ знаетъ названія чиселъ съ 60 нулями, а послѣ, и всѣ міры къ нему посылаютъ привѣтствія, и въ другіе міры проникаетъ свѣтъ отъ его междубровія!

Буддизмъ нашелъ великую для себя опору въ догматѣ: все, что согласно съ здравымъ смысломъ, то и ученіе Будды — и наоборотъ. Это отличное поприще для обличеній и оправданій всѣхъ возникшихъ теорій и споровъ. Ты утверждаешь то-то, но, вѣдь, какъ это понимать?!

Однакоже буддизмомъ овладѣла лѣнь отъ этихъ составяній и пререканій. Прежде было легко; бывало Будда скажетъ: «милости просимъ», — смотришь, чрезъ нѣсколько времени, новіцїатъ и дѣлается арханомъ, т. е., тѣмъ же претендентомъ на ирвану, какъ и самъ Будда, но послѣ потребовалась другая обстановка: изволь переходить изъ сферы въ сферу (б'уми), да и то еще можешь пробыть долгое время въ званіи первой стени къ арханству.

Вотъ она какая программа, вотъ она какая теорія! — Но Будда жалился: «чего же вы, дураки, смотрите? вмѣсто всякихъ разсужденій, прочтите-ка столько разъ такія-то заклинанія.» Правда, иногда 100,000 разъ, а на это, пожалуй, не хватитъ и жизни! Тибетцы сумѣли выпутаться и изъ этой бѣды; они изобрѣли курду (འཕྲུལ་འཕྲུལ་ чакра), и вотъ вы приобрѣтаете силу или дѣлаться невидимыми, или черпать съ воздуха алмазы и золото и т. п. Началось съ этого, дошло и до конца. Если вы поѣдете по Монголіи, теперь пожалуй даже и въ Забайкальи и у калмыковъ, вслѣдствіе приказа не позволять принявшимъ христіанство оставаться между язычниками, чтобы какъ-нибудь опять не совратились (въ русскомъ то ц-вѣ!, а въ Монголіи нѣкто объ этомъ не заботится), вы можете во множествѣ встрѣтить испитыя и изнуренныя до цѣльза лица — это отшельники заипмающіеся волхвованіями. Видали-ли вы кумирни, въ которыхъ на колѣняхъ божка со впущеннымъ уdomъ сидитъ богиня, а этихъ божковъ много всякихъ формъ; вотъ верховная степень волшебства, вотъ апогеозъ конечной цѣли бытія! Созер-

1) Вмѣстѣ съ тѣмъ развивалась до мелочныхъ подробностей монастырская жизнь; навѣрно изучающіе буддизмъ интеллигенты облизывались при чтеніи И-цзина, переведеннаго ивѣстнымъ японцемъ, о правилахъ, какъ должно держать себя даже въ отхожемъ мѣстѣ.

цайте, созерцайте, представляйте, согласно предписаніямъ, себѣ дворецъ бога, олицетворяйте себя въ его образѣ и дожидайтесь, когда богиня съедетъ вамъ на колѣна, конечно, не даромъ, и вы въ упоеніи сами превратитесь въ бога и улетучитесь!

Вотъ послѣднее развитіе буддизма. Что намъ за дѣло, всецѣло-ли онъ развился въ Тибетѣ, или перешелъ по частямъ изъ Индіи, — все-таки это тоже буддизмъ, хотя бы вы его не нашли такимъ въ Цейлонѣ или Сіамѣ. Это только значить, что буддизмъ достигъ въ Тибетѣ конечнаго и полнаго развитія.

Можетъ быть и хорошо, что я не довелъ тогда до конца своего взгляда, остановившись на одной старой его теоріи. И тогда уже сравнили меня съ буддійскимъ антихристомъ; что бы сказали, если бы я весь высказался!

Съ того времени уже много воды утекло. Переводы буддійскихъ книгъ появились со всѣхъ языковъ и на всѣхъ языкахъ. Слава буддизма растетъ, удивленіе къ его теоріямъ распространяется. Уже въ Америкѣ его открыто восхваляютъ на съѣздѣ въ Чикаго; даже во Франціи, говорятъ, есть общество буддистовъ. Намъ завидовать, впрочемъ, нечего. Когда мы (т. е., русскіе) перевалили за Байкаль (около 1620 г.), тамъ не было еще ни одного ламы, всѣ были шаманы. У насъ, я думаю, много сочувствуютъ этому перевороту; — ну, что-жъ: буддизмъ все же лучше такой грубой вѣры, какъ это дикое шаманство! Эти судьи, конечно, не понимаютъ, что между дикарями шаманство дѣйствительно огрубѣло, но въ Китаѣ, откуда оно пришло, изъ него вышли всѣ нравственныя правила, начиная отъ почтительности къ родителямъ до покорности правительству!

Да, намъ нечего завидовать западу въ его склонности къ буддизму! По возвращеніи изъ Китая я имѣлъ много знакомыхъ ламъ въ Забайкальѣ; между прочимъ у меня врѣзался въ памяти разговоръ съ Никитуевымъ, тогда уже настоятелемъ одного (не помню уже какого) бурятскаго монастыря. Что же, сказалъ онъ мнѣ тогда: «если бы Государь приказалъ, чтобы всѣ мы приняли христіанство, мы бы безпрекословно повиновались Его волѣ». Не знаю, удастся-ли теперь, когда въ Забайкальѣ появились два гэгэна (два святыхъ перерожденца), услышать отъ кого-нибудь такія слова.

Однако, я считаю личнымъ для себя оскорбленіемъ отъ одного претендующаго на знаніе буддизма, что онъ подвергаетъ сомнѣнію мой рассказъ, будто набожныя монголы принимаютъ *отъ нимолоягъ* (рил-ву རྩོད་བློ) гуано своихъ гэгэновъ; объ этомъ я лично своими ушами слышалъ отъ самыхъ уважаемыхъ ламъ въ Пекинѣ. И послѣ того, что, какъ я выше упомянулъ, прозелиты буддизма ждуть не дождутся (что видно и по ихъ изношеннымъ

физиономіямъ), когда богиня сядетъ имъ на колѣна, сомнѣваться, чтобы такая гадость, какъ гуано гэгэна стало имъ поперекъ горла! Пожелаемъ самому критику проглотить эту пилюлю; да, хоть вспомнилъ бы помѣщенный у Даранаты рассказъ (стр. 95—96) о Шинк'абѣ, который вливалъ въ каждый чашъ воды по кашлѣ своей урины для приготовления тоже пилюль! Что-жъ послѣ этого говорить о вѣрованіи ламаистовъ въ своихъ перерожденцевъ святителей (гэгэновъ, онъ же и хутукта)! Вы видите предъ собой полнаго невѣжу, принимаемаго однако за святого, но у него есть отличные защитники: вѣдь святитель всевѣдущій (чего не приняи еще на себя папы!), но онъ не радъ себя выказывать, въ немъ воплотились душа Маньчжурши ли, Авалокитешвары ли и тому подобныхъ; онъ можетъ располагать всѣми громами, наносить неисчислимыя бѣдствія, но имъ руководитъ милосердіе, клятва, которую онъ далъ въ прежнихъ перерожденіяхъ. Пойдите же, разсуждайте съ нимъ о просвѣщеніи; судите и сами о значеніи нашей русской вѣротерпимости, — именно русской; не забывайте, что мы имѣемъ дѣло съ буддизмомъ въ полномъ его развитіи, т. е., далѣе чего, кажется, нельзя идти въ русскомъ буддизмѣ, потому что, если вамъ будутъ проповѣдывать его китайцы, японцы, сіамцы или цейлонцы, это что еще за буддизмъ!

Право же не знаю, почему я написалъ такую тираду, конечно, не со-всѣмъ пріятную для почитателей буддизма, которые, какъ я упомянулъ уже, въ послѣднее время фигурировали въ Чикаго, составили, кажется, и общество въ Парижѣ.

Увѣряю, что я началъ писать съ намѣреніемъ искренно поздравить всѣхъ занимающихся изученіемъ буддизма, съ пріятной имъ находкой: — открытіемъ памятника, поставленнаго на мѣстѣ рожденія Будды Шакіямуні, а, слѣдовательно, и подтверждающаго его. Кто сколько-нибудь занимался буддизмомъ, тотъ читалъ въ ихъ книгахъ, какъ онъ, отъ кого и гдѣ родился, но до этого мѣста никто изъ европейцевъ, т. е. англичанъ, не доходилъ. Только въ недавнее время вдругъ два англичанина заспорили, кто изъ нихъ открылъ это мѣсто, что оно находится не въ самой сѣверной Индіи, а неподалеку отъ ея границы, въ предѣлахъ уже Ненала, около мѣстечка называемаго Неглива, открыли памятникъ ушедшій въ землю (еще бы; чрезъ 2000 слишкомъ лѣтъ, когда мы находимъ упоминаніе, что и въ самой Индіи старые путешественники, изъ китайцевъ 5 и 7 вѣковъ по Р. Х., часто не находили даже слѣдовъ памятниковъ или не могли прочесть сдѣланныхъ на нихъ надписей!). А теперь намъ прочитали самую надпись, сдѣланную, говорятъ, давно уже исчезнувшими письменами (я по санскритски умѣю читать, а тутъ ни слова!). Долженъ имъ вѣрить на

слово, въ честь чего и кѣмъ памятникъ этотъ поставленъ. Поставленъ онъ тамъ, гдѣ былъ садъ Лумбий, въ которомъ мать Шакіямуні, вошедшаго въ нее въ видѣ слона, родила его, ухватившись во время прогулки за сучья дерева, пменно выпустила пзъ себя (пзъ боку, а не ложась на кровать, потому что для матери такого божества не прилично лежать) бойкаго мальчика, который сейчасъ запрыгалъ, — виновать, про такихъ знаменитостей не прилично такъ выражаться, — заходилъ и торжественнымъ голосомъ заявилъ, что это его самое послѣднее перерожденіе, а больше онъ уже нигдѣ не покажется, т. е. войдетъ въ Нирвану. Поставленъ памятникъ царемъ, по словамъ прочитавшихъ надпись, Приадаршиномъ (по-русски такъ: на котораго любяли глядѣть, не-то: любоглядящаго, по-киг. Шань-цзянь), подъ которымъ всѣми записными учеными въ Европѣ и Индіи разумѣется Асока (только я одинъ сомнѣваюсь, но что значать мои сомнѣнія, — а пожалуй: *inde iga*; вотъ почему я и отомщаю другимъ тою же монетой!). Асока жилъ уже будто непремѣнно послѣ извѣстнаго преемника Александра Македонскаго Чандрагупты, но это только и служитъ указаніемъ, когда родился Будда, какъ кто ни счтай. Одни, считающіе, что былъ одинъ Асока, говорятъ, что онъ жилъ спустя 100 лѣтъ послѣ Будды, слѣдовательно тоже послѣ Александра Македонскаго.

Вирудака петребитель Шакіясцевъ, былъ рожденъ отъ Сакіяской (Сакской) наложницы; я уже гдѣ-то, хоть для смѣху, осмѣлился напечатать, что это слово искаженіе русскаго: выродокъ, какъ сына наложницы. Индійскій театръ называлъ друга Чандрагупты Вирудаку убійцей Арт'асидды, въ которомъ я призналъ собственное (почетное?) имя Шакіямуні, данное ему при рожденіи и наравнѣ съ именемъ Сидд'арта; кажется меня осмѣяли, сказавъ, что въ санскритскомъ нельзя такъ мѣнять имена, что у буддистовъ онъ не называется Арт'асидд'а. Признаюсь, я, грѣшный человекъ, повѣрилъ тибетскимъ буддійскимъ біографіямъ (Дараната стр. 98 и пр.), которые увѣряютъ, что одно и то-же лицо называется и такъ, и сякъ: и Па-коль (рабъ отца), и Ма-коль (рабъ матери), и Шура, и Ашвагоша и проч., потому, значить, и показали свое невѣжество. Правда, что упрямство не дозволяетъ мнѣ смириться: я нахожу переводъ имени Шакіямуні въ монгольскомъ: *хамук букудэ* (Сарва) *бутусуксэн* (Арт'а) *бун* (сидд'в), но готовъ замолчать, хоть если и не смириться...

Да такъ какъ мы сказали, одни показываютъ, что Будда жилъ за 100 лѣтъ до Асоки, но другимъ за 400, — это вѣдь только тѣ, которые считаютъ, что было два Асоки, одинъ до Александра Македонскаго, другой, правовѣрный-добрый, послѣ.

Можно ли повѣрить на слово показанію буддиста, что, такъ какъ Асока былъ и злой, и добрый, то значить, послѣдній жилъ прежде. Можетъ

быть только и для объясненія слова «Д'арма-Асока», которое могли прибавить для возвеличенія его позднѣйшія сказанія, явилось мнѣніе, что злой былъ особый. Можетъ быть, это названіе злой они узнали отъ негодующихъ на него брахманскихъ школъ.

Гораздо легче объяснить скачекъ буддѣйской исторіи на 500, по крайней мѣрѣ, лѣтъ отъ своего перваго лѣтосчисленія китайскому: тамъ стали послѣ утверждать, что Будда родился за 1027 л. до Р. Х., и вотъ по какой причинѣ: даосы, часто приобретавшіе перевѣсъ не надъ однимъ конфуціанствомъ (ихъ ученіе началось прежде даже его), вдругъ воспользовались легендой о своемъ Лао-цзы, который былъ современникомъ (во всякомъ случаѣ, значить, старше его) Конфуція (родившагося въ 551 г., умер. въ 479). Лао-цзы, проповѣдывавшій сперва въ монархической столицѣ Чжоу, потомъ отправился будто за-границу и тамъ оплодотворилъ мать Шакіямуня (а вѣдь, чай, былъ уже въ годахъ!); это взбуртало китайскихъ буддистовъ и они сразу перепесли рожденіе Шакіямуня на 500 лѣтъ въ древность. Не можемъ найти подтвержденія своей догадки, что какое-то другое притязаніе заставило уже прежде перенести рожденіе примѣрно на 250 лѣтъ. Мы имѣемъ въ виду одно только упоминаніе Даранаты о томъ, что индѣйцы считали полгода за годъ.

Но если такъ, если мы и приводимъ объясненіе переноса жизни Шакіямуня, то можно ли повѣрять и вообще всѣмъ сказаніямъ индѣйскимъ о своей древности? Что-то я слышалъ о сомнѣніи въ древности Махаб'араты и Рамаяны, о законахъ Ману, о времени составленія санскритской грамматики съ глоссаріемъ Панини, но мнѣ не къ чему вмѣшиваться въ такіе вопросы.

Только одно скажу, что буддѣйскимъ историческимъ сказаніямъ рѣшительно нельзя вѣрять. Они выдумывала безъ зазрѣнія совѣсти, что угодно было какому времени и какому мѣсту.

Заступаясь за появленіе Асоки не раньше 2-го столѣтія (до Р. Х.), мы и это, однакоже, подвергаемъ сомнѣнію.

Лучше всего допустить, что буддисты забыли и время, и мѣсторожденіе Будды. Предполагаемъ, что она, придя съ запада, научилась, послѣ ужъ Шакіямуня, грамотѣ, заимствовавъ съ Запада тамошнія опредѣленные свѣдѣнія о временахъ послѣ Александра Македонскаго и выбравъ изъ нихъ, что имъ пригодилося.

Но обратимся къ вопросу объ Асокѣ. Пока я долженъ стоять за то, что онъ жилъ, какъ показываютъ буддисты, спустя 100 или даже 116 лѣтъ послѣ смерти Будды. Вѣря упоминанію о Вирудакѣ, истребителѣ рода Шакіясцевъ, но исключая изъ нихъ Шакіямуня, уже будто прежде этого оставшаго родину и принявшаго ихъ подъ покровительство, благодаря вѣрующ-

щимъ въ него Бимбасарѣ и Аджаташатрѣ, мы можемъ отложить годъ смерти Шакіямунни на 50 лѣтъ, потому что, говорятъ, онъ прожилъ 80 или 82 года (и тутъ вѣдь, пожалуй, еще придется подозрѣвать, что это не спроста!). Такимъ образомъ для опредѣленія годовъ жизни Асоки можетъ быть принято второе столѣтіе. Признаюсь, меня очень смущала фантазія: зтотъ Асока ужъ не Ху-цзю-ку ли китайскіхъ писателей, о которомъ они упоминаютъ прежде Канишки.

Принимать имя Асока и Канерка, какъ это сдѣлали другіе, за искаженіе имени одного и того же лица, я считаю уже незнаемъ передачи китайскіхъ словъ. Слоги Ху и А легко могли переходить одинъ въ другой. Мы вѣдь не можемъ навѣрно сказать, какъ проносили тогда свои слогн китайцы, но что *Цзю* и *Со* родственны, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія.

Во всякомъ случаѣ мы допускаемъ, что буддистамъ были извѣстны греческіе писатели; — по крайней мѣрѣ теперь мы можемъ констатировать тотъ фактъ, что они не игнорировали и китайскіхъ упоминаній. А, что находится въ другихъ индійскіхъ сочиненіяхъ упоминаніе о сношеніяхъ съ греками и китайцами, — это важный вопросъ хотя о введеніи письменъ Панини. Вѣдь, воля ваша, Деванагари, распредѣляющая буквы по гортаннымъ, губнымъ и проч., болѣе усовершенствованная, слѣдовательно и болѣе поздняя, чѣмъ греческая.

Но у меня не достало терпѣнія проштудировать, что Ху-цзю-ку и Асока одно и то-же лицо. Я вею настоящую статью пишу подъ впечатлѣніемъ о находкѣ *Лумбиніи*. Она только помѣшала мнѣ приняться за болѣе безобидную работу, продолженіе предпринятаго мною изданія буддійскаго словаря Махāvīyотпатти.

Въ подкрѣпленіе моего утвержденія, что мы пока не имѣемъ документальныхъ данныхъ, чтобы отвергать смерть Будды въ 3-мъ столѣтіи до начала нашей (христіанской) эры, я привелъ соображенія уже прежде въ чтянной мной въ Академія запискѣ.

Я основывался главнымъ образомъ на упоминаніи уже давно переведеннаго Сюань-цзана, что нѣкоторые (конечно буддисты, другимъ какое дѣло; хотя, конечно, и этимъ воспользуются для опроверженія меня, что не буддисты!) полагаютъ, что въ 7-мъ вѣкѣ нашей эры не прошло еще тысячи лѣтъ со смерти Шакіямунни. Помилуйте, какая же религія согласится умалить время своего лѣтосчисленія! Даже и магометане въ Китаѣ, считающіе годъ ровно въ 12 мѣсяцевъ, утверждаютъ, на основаніи китайскіхъ списковъ царствовавшей ихъ богдыхановъ, проповѣдь Магомета въ Меккѣ на 30 лѣтъ ранѣе дѣйствительной. Требуютъ доказательства не здраваго смысла, а документовъ; я привожу тибетскаго историка Ву-дона, который

уже точно указываетъ годъ; они и тутъ говорятъ: бездоказательно (потому что не любо?!).

Говорю, что я готовъ отказаться и отъ Асоки, но не могу не упомянуть о другой ссылкѣ. Я думаю, что всѣмъ извѣстно первоначальное упоминаніе Шакіямуни, что буддизмъ продолжится всего 500 лѣтъ, потому что въ него допущены женщины, а собственно ему слѣдовало бы просуществовать 1000 лѣтъ. Вотъ какъ скромно! Пожалуй, тутъ лежатъ уже на очевидность: помилуйте, буддизмъ существуетъ до сихъ поръ; это предсказаніе не идетъ къ дѣлу, оно написано кѣмъ-то съ бухты-барахты; да вѣдь и тибетскіе толкователи говорятъ, что подъ 500 годами надобно разумѣть только одинъ періодъ характера процвѣтанія извѣстныхъ догматовъ, а ихъ всего назначено десять (10 — и то скромно, хотя рѣдкая вѣра сомнѣвается въ своей невѣчности!).

Смѣю-ли я противорѣчить такой ссылкѣ, за нее вѣдь говорить очевидно. Однако я не могу умолчать объ одномъ, кажется, довольно историческомъ фактѣ. Около 250 или 260 г. (опять 250 лѣтъ) послѣ Р. Х. буддизмъ процвѣталъ въ Апарантакѣ, пользовался тамъ полнымъ господствомъ, но послѣдній царь Пушпамитра, похитившій престолъ, пстрелялъ его во всея царствѣ.

Представляемъ на обсужденіе специалистовъ, что значить это предсказаніе о 500 годахъ, которое окончилось такимъ пстреленіемъ. Не подастъ ли оно повода къ заключенію, что буддизмъ процвѣталъ только до 250 г. по Р. Х. на сѣверо-западѣ неподалеку отъ родины Саковъ? И кое-какіе, едва избѣгнувшіе или уцѣлѣвшіе отъ преслѣдованія, возопили: «пропала наша вѣра, сбилось (однакоже составленное уже ими?) предсказаніе великаго учителя». Что тутъ приплетена была ссылка на допущеніе женщинъ Шакіямуни (который самъ убѣжалъ отъ своей жены), можетъ быть, кроется другой смыслъ. Буддизмъ былъ истребленъ благодаря женщинамъ (пренебреженіе принятаго католиками celibата)¹⁾. Легенда о преслѣдованіи говорить, что два еретика подъ видомъ буддійскихъ монаховъ проникли во дворецъ и, какъ слѣдуетъ, обезчестили царскихъ женъ. Вотъ какая ошибка: подъ видомъ буддійскихъ монаховъ, а царь принялъ ихъ за настоящихъ!

Хотя новые буддисты и переносятъ почитаемихъ послѣ Ананды патриарховъ, начиная отъ Шанавасы (объ немъ будетъ рѣчь послѣ), Мад'іантику, Упагупту, Д'нитикку съ запада въ Магад'у и далѣе (осмѣлюсь отказаться въ Вайшали), то все-таки нельзя не замѣтить, что они дѣйствовали дѣйствительно только на Западѣ (Т'ару, см. Дараната 29, не сокращеніе-ли

1) Мы потому приводимъ упоминаніе объ этомъ сравненіи, что первоначальный буддизмъ былъ только школой отрицанія.

Тогара?). Упагупта, наслѣдникъ Шāцавāсы, сперва живеть на сѣверѣ, а потомъ приходитъ въ Мат'уру; соотечественникъ его Д'їтика является на жертвоприношеніи Минары, потомъ его не могутъ сжечь на костре въ ц-вѣ Малава (см. Даран. 27), умираеть онъ въ Уджаджаянїи (Удіянїѣ), принадлежащемъ Малавѣ. Его же перенесли и въ Камарūну, тогда какъ, по словамъ Сюань-цзана, и при немъ еще не было буддизма въ этомъ царствѣ. Преемникъ Д'їтики Кāла или Крїшна (у китайцевъ Ми-чжи-ка (по Лассену Ертунь) — наслѣдникъ Минары и Менаандра?), хотя и прилетаетъ въ Цейлонъ, но все-таки умираеть на сѣверѣ, въ царствѣ Кушавана (Гуй шуана?).

Какъ же не допустить, что буддизмъ находилъ до 250 г. только распространеніе въ СЗ. части Индіи, а до того онъ не былъ еще распространенъ въ самой Индіи? Только послѣ изгнанія онъ прибѣгаетъ къ защитѣ у другихъ (до того онъ былъ доволенъ и однимъ сѣверо-западомъ) и находитъ прїютъ и славу у всѣхъ. Мы упомянемъ еще объ одномъ фактѣ преслѣдованія. Въ исторіи говорится, что и самъ Нагārчжуна (будущій претендентъ на званіе Будды) участвовалъ въ скандалѣ съ царскими женами и только съ помощью своихъ чаръ не былъ убитъ. Какъ это понимать? Спасся ли онъ дѣйствительно или ему приписали въ опроверженіе обвиненій будущую дѣятельность? Во всякомъ случаѣ съ этого разсказа объ Нагārчжунѣ зачпѣла исторія жизни буддизма въ Индіи. Ему даютъ жизнь въ 300 или 600 лѣтъ, онъ является и на югѣ, и въ Магад'ѣ, гдѣ строитъ храмы Махабод'и! Не кроется ли въ легендѣ о такомъ долголѣтїи Нагārчжуны эпоха новаго ученія буддизма? Не по случаю ли новаго гоненія, т. е., пока появилось предсказаніе, что буддизмъ просуществуетъ еще 500 (а всего 1000) лѣтъ, стали разумѣть Махмуда Газневидскаго? Со времени Нагārчжуны начинается и толкованіе о Махāйнї: ему приписывается отправление къ драконамъ. Но и Хїнайнисты также нашли выгоду отъ такого оборота, потому что прежде могли настаивать только на 500 годахъ.

Ну, ужъ если мы затрудняемся опредѣлить, что вѣрнаго въ исторіи буддизма до Нагārчжуны, то съ этого времени уже начинается полная путаница: всѣ хїнайнистскіе учителя присваиваются махāйнистамъ; они отрицаются отъ своихъ вѣрованій, ихъ заставляютъ писать покаяніе въ вѣрѣ въ старое и восхваленіе новаго ученія!

Дѣйствительно, что настоящій первый, прежній буддизмъ погибъ, но не оттого ли, что его подмѣнили новымъ, который начинается тоже съ эпохи Нагārчжуны?

Но мы обратимся еще къ Асокѣ. По Даранатѣ (29 и д.), онъ сынъ Немиты, вовсе не изъ потомковъ Аджāтасатру, и, если не принимать племя Т'ару хотя за искаженіе Тогаръ, но только за тибетскій переводъ слова пограничное крыло (ཅེན་ཅོ་), то все-таки нужно думать, что царство Чампа-

Арда было на С. З. Немита послалъ его покорять взбунтовавшихся горцевъ Непала, К'ашья (Кашмира?) и другихъ. Въ вознагражденіе получаетъ городъ Паталипутру, дальше котораго какъ-будто не хотѣтъ ничего знать Махѣйнисты. Но вѣдь этого же Асоку мы находимъ и въ Рагжагрихъ: онъ каждое утро ходитъ на поклоненіе Махѣбод'я, слѣдовательно живетъ въ немъ (жена велитъ срубить дерево). Послѣ этого и вѣрѣе расскажем Махѣйнистовъ!

Не смѣшали ли Таксилы (Такшашилѣ), въ которую Дараната посылаетъ Куцалу, сына Асоки, съ Паталипутрой, т. е., не перенесли ли сѣверо-западъ на дальній востокъ?

Обыкновенно Асоку полагаютъ жившимъ вскорѣ послѣ (по другимъ легендамъ онъ современникъ) Ясы, ополчившагося противъ нищихъ, принявшихъ деньги въ милостыню, бравшихъ какъ и что попало, одѣвавшихся — припомните Шаңавасу — не по предписаніямъ; онъ сначала фигурируетъ только въ спорѣ Меньшинства (Ст'авирь) и Большинства (Махѣсаңгиковъ), которые не удовлетворились приговоромъ члстныхъ послѣдователей Шакіямуні; затѣмъ онъ ужъ жертвуетъ миллиарды въ пользу нищихъ. Можетъ быть, въ самомъ дѣлѣ, вслѣдствіе сочувствія такой легендѣ дѣйствительно нашлись дураки въ Индіи, какимъ послѣ въ Китаѣ оказался Лянскій богдыханъ. Но этого мало: Асоку заставляютъ воздвигнуть 84000 монументовъ. И этого мало, онъ строитъ и монастыри (вихара), въ которыхъ излагаютъ философскіе догматы. Вдругъ такой переходъ отъ нищенствующаго Ясы въ одно царствованіе! Конечно, въ этомъ ясно видна буддѣйская наглость. Тутъ только ширма для ссылки на древность!

Но иначе нужно смотрѣть на другую легенду объ Асокѣ. Ему не покоряются драконы, онъ сыплетъ жертвами духовнымъ, наконецъ достигаетъ не только того, что кумирь драконовъ ему кланяется, но, когда онъ бросилъ въ рѣку Гангъ свою грамоту къ нимъ, то они тотчасъ присылаютъ посольство. Мы выводимъ изъ этого только одно предположеніе, что при Асокѣ началась письменность. Буддисты передаютъ намъ замѣчанія и о насмѣшкахъ браминновъ надъ ними: «лысыя головы не могутъ запомнить своего ученія наизусть, тогда какъ мы знаемъ свое наизусть (а много ли, значить, тогда было?), и заучиваютъ его по книгамъ». Въ самомъ дѣлѣ, объ этомъ упорствѣ браминновъ дать письменный видъ своимъ знаніямъ упоминаютъ даже Сюань-цзанъ и И-цзинъ. Пожалуй это было выгодно: передѣлывай, поправляй, прибавляй, сколько угодно! Буддисты въ этомъ случаѣ дѣйствительно опростоволосились: будущая критика окажется еще строже.

Возможно-ли при этомъ разсказѣ допустить, что подъ пнемемъ Придаршинъ разумѣли непременно Асоку, а не всякаго благочестившаго царя,

вздумавшаго поставить памятникъ надъ священнымъ для буддистовъ мѣстомъ. Да, если бы даже въ нѣкоторыхъ изъ нихъ именовался прямо царь Асока, такъ и тогда можно-ли повѣрить, чтобъ онъ ихъ поставилъ? Буддисты вѣдь не увѣряютъ, что онъ почиталъ однихъ ихъ, ему были доступны и брахманы; онъ даже (не злой, а добрый Асока) рубилъ головы тѣхъ, кто не послушался голоса Большинства — Махасангиковъ. Потомъ, покрайней мѣрѣ это для меня, непонятно, какъ это одинъ монархъ, въ своей обширной монархіи первый введшій письменность, ставить памятники различными письменами? Не заставляетъ ли уже это одно предполагать, что его именемъ стали злоупотреблять впоследствии?

Я упомянулъ уже съ оговоркой, что допускаю Асоку, жившаго чрезъ 100 лѣтъ послѣ Будды; этимъ не утверждаю времени, когда жилъ самъ Будда. Вѣдь считай, что онъ жилъ за 1000, 500 или 250 лѣтъ до Р. Х., а рассказы все одни и тѣ же, то-есть. перечисленіе лицъ, жившихъ послѣ него, хотя бы и отвергать наследственное патриаршество (отъ Ананды до Сударшаны, умершаго, по словамъ Даранаты, въ одно время съ Асокой), продолжавшееся 8 или 7 преемствъ.

Какой торжественный подарокъ теперь я приношу уже и христіанскимъ миссіонерамъ. Я помню, что они пробовали было говорить, что буддизмъ есть искаженіе христіанства. Они настаивали на томъ, что христіанство было распространено въ Индіи апостоломъ Фомой, имя котораго искажено индѣйцами въ Д'арму (но вѣдь подъ Д'армой разумѣютъ Асоку? но и я скажу, что развѣ можно вѣрить индѣйскимъ баснямъ)! Бѣдныхъ миссіонеровъ, кажется, оплевали ревностные поклонники или защитники буддизма, какъ навѣрно, оплюютъ и меня. Но я не долженъ прятать своихъ фантазій. До смерти Асоки счятаютъ то 9, то 18, то 36 патриарховъ, но на повѣрку выходитъ, что начало и конецъ одни и тѣ же, а, такъ какъ достигнуть чести считаться главой вѣры могли уже на старости, то число всѣхъ можетъ уложиться на пространствѣ этихъ 200 лѣтъ. Пригомъ же мы можемъ исключить изъ этого списка или Ананду, или Упали, какъ собирателей одного — сутръ, другого винан. Мы основываемся вотъ на какихъ фактахъ: мы уже сказали, что, возводя начало буддизма за 1000-ли, за 500 или за 250 лѣтъ, списокъ всѣхъ буддійскихъ іерарховъ всетаки ограничивается однимъ ихъ числомъ. Даже мы имѣемъ списокъ 50, но за то уже по крайней мѣрѣ въ началѣ 5-го столѣтія нашей эры. Значитъ, отъ Аріасанги (не Арія-Синха ли современника Нāгārджуны?) въ 150 лѣтъ прибавилось къ 23-мъ новымъ всего 30. Послѣ этого какъ же не подлупить миссіонеровъ настаивать на апостолахъ Фомѣ. Я уже высказалъ въ своей статьѣ (чттанной въ Академіи 17-го февраля 1897 г.), когда года вступленіе въ управленіе буддійской вѣрой патриарховъ пока-

заны въ первый разъ китайцами не совпадающими съ годами вступленія на престолъ ихъ богдыхановъ. Этому нельзя не повѣрить, хотя я и первый бунтовщикъ противъ вѣры появленія въ Китаѣ въ 60 году по Р. Х. книга Сы-ши-эръ-чжанъ-цзинъ (42 статья); примите, впрочемъ и это къ свѣдѣнію, что книга вовсе не пахнетъ старымъ буддизмомъ, а если и нарочно отнесена въ такую древность, то, заподозривъ время лѣтосчисления, какъ не подумать, какъ былъ невѣжествененъ первый буддизмъ, сохранившій для насъ въ Лалитавистарѣ искусство Шакиюмуни въ стрѣльбѣ и счетѣ!

Припомнимъ и другое упоминаніе: когда китайцы проникали въ западный край, за 150 (говоря приблизительно) лѣтъ до Р. Х., то вовсе нигдѣ не нашли буддизма. Послѣдующіе приверженцы предполагають, что встрѣченный одинъ кумиръ у Усуньцевъ должно принимать за кумиръ Будды Шакиюмуни, что тогда уже было извѣстно названіе Шакиюмуни Буддой. Тогда мы имѣемъ право думать, что буддисты и самое названіе Будды, а слѣдовательно и своей вѣры, извлекли изъ греческаго названія Θεός. Я думаю, что отъ такого вывода откажутся самые ревностные почитатели буддизма. Что китайцы называютъ Будду греческимъ искаженнымъ именемъ Θεός, потому что прежде познакомились съ греками по В. сторону Каспія, это другое дѣло. Вѣдь и наше имя Богъ могло быть усвоено славянами въ ихъ пути отъ Индіи до римскихъ границъ. Я вѣдь разъ уже писалъ къ В. М. Флоринскому, доискивавшемуся прохожденія славянъ чрезъ Западную Сибирь, что есть слѣды путешествія ихъ вмѣстѣ съ нѣмцами, если не изъ самой Индіи, такъ по крайней мѣрѣ съ сѣверныхъ ея границъ, расширенныхъ потомками Александра до собственнаго Китая, но потомъ прогнанныхъ ими и изъ родной земли. Г. Флоринскій очень обрадовался, просилъ сослаться, но я не согласился. Noblesse oblige, — ученый не смѣетъ высказывать свои предположенія или фантазіи безъ подкрѣпленія научными фактами (а гдѣ ихъ наберешь!).

Я еще кладу въ руки миссіонеровъ одно предположеніе: если для буддистовъ ничего не стоитъ перемѣнить лѣтосчисленіе, то, если они передвинули жизнь Шакиюмуни или Асоки за 250 лѣтъ, то почему не рѣшиться утверждать, что это перемѣщеніе случилось ровно за тѣ-же 250 лѣтъ отъ Р. Х. Я говорю: будьте смѣлѣе, — буддисты больше слагають басенъ и сказокъ.

Однакоже, я самъ умываю руки. Я долженъ, какъ ученый, вѣрить въ существованіе Асоки, хотя не за 250 лѣтъ до нашей эры, но спустя одно столѣтіе послѣ нея.

Въ первомъ томѣ моего «Буддизма», въ переводѣ раздѣленія школъ, составленнаго Васумятрой, мы не находимъ упоминанія о школѣ Пурва-

шэйла. Она появилась, значитъ, послѣ, и названіе это перенесено на школу 6 городовъ, т. е., Магад'у. Какъ не дойти до предположенія, что это предѣлки уже Махалинистовъ, перенесшихъ сказанія Запада на Востокъ? Ну, вотъ послѣ этого и вѣрьте всёму рассказамъ не только подѣйцевъ, но и китайскихъ путешественниковъ. Изъ вышесказанныхъ предположеній выходитъ, что буддизмъ вмѣсто Ю.-З. при Наада чжупѣ находить свою родину во всей Индіи. Опять-таки на Ю. лн, на Востокъ, вѣрь съ оглядкой!

Мы намекнули уже, что Анаада, бывший ученикъ и спутникъ Шакіямунн до его смерти между двухъ деревъ Сала, личность подозрительная. Не продуктъ ли это сорбѣ послѣдователей Нагәрчжуны. Восхваляется Анаада, а упоминается и Наада, съ такими даже признаками, какъ самъ Шакіямунн (по однимъ, однакоже, недоставало двухъ). Но чего не насаказано между прочимъ объ этомъ Нандѣ, двоюродномъ братѣ Будды! Онъ было чуть не спасся, но чертъ попуталъ и онъ согрѣшилъ съ чертовкой; послѣ, помнится, онъ замѣшалъ и въ педерастіи. Да припомнимъ еще и ссылку Пурны, не соглашавшагося на запретъ Будды рвать съ дерева плоды: «да помилуйте, самъ Будда разрѣшилъ!» Значитъ съ самаго перваго начала буддійскихъ легендъ уже встрѣчаются противорѣчія.

Намъ говорятъ, что Шакіямунн повергъ къ своимъ стопамъ, больше чудесами, а не резонами, шесть пновѣрныхъ учителей. Предоставимъ самимъ брахманскимъ ученымъ въ Индіи и на З. отыскать вѣрныя свѣдѣнія о школахъ этихъ еретиковъ, существовали ли онѣ въ то время; не то мы готовы допустить, что подъ именемъ зретиковъ буддисты разумѣли собственныя школы, враждебно другъ къ другу относившіяся въ спорѣ съ несогласными. Мы находимъ такими даже всѣ 18 школъ, т. е., столько, сколько ихъ признають догматически сами буддисты. И, такъ какъ опроверженія ихъ, еще при Буддѣ, подтверждаются самой винаей, которую нельзя не признавать передовой трехъ отдѣловъ (Сутры и Абидармы), то понятно, что буддисты не совѣстились перескакивать отъ событія (или лѣтосчисленія) къ событію, переносять одно мѣсто на другое. Можно сказать, что своя свопхъ не познаша! О существованіи 18 школъ, окончательномъ развитіи ихъ одна изъ другой находимъ достаточное опредѣленіе у Васумитры. Но кого разумѣли подъ именемъ шести? Намъ указываютъ, что у Будды было 5 первыхъ учениковъ, и слѣдовательно ихъ бы надобно считать и главными. Но равное право придаютъ то Шарипутрѣ, то Махākасіянпѣ, или просто Касіянпамъ, потомъ Анандистамъ. Понятно, что одной изъ этихъ школъ стоило только присвоить себѣ первенство (въ свою защиту), чтобы обозвать другихъ еретиками. Мы вѣдь знаемъ же, что, хотя одинъ изъ 5 учениковъ былъ одно время защитникомъ Девадаты, но Наада тоже считается въ числѣ пятерыхъ учениковъ.

Мы въ началѣ своего неоконченнаго еще труда (3-я часть Буддизма), приписываемъ причину раздора первыхъ буддистовъ принятію четырехъ пунктовъ (Нишрая), въ числѣ которыхъ разумѣется и платье. Но теперь мнѣ пришло въ голову — вотъ какъ трудно дается разгадка всѣхъ религіозныхъ продѣлокъ или легендъ —, почему прямымъ наслѣдникомъ въ управленіи вѣрой послѣ Ананды считается Шаңавасу? Главный смыслъ заключается въ самомъ имени этого патріарха. Онъ назывался по легендѣ такъ потому, что родился въ платьѣ (васа) изъ шаңа, т. е., другими словами не носилъ платья изъ лоскутьевъ, которое обяваны были носить буддисты (потомъ ужъ три платья, но упоминается и о двухъ). Значить, это платье изъ лоскутьевъ не было обязательно. И въ самомъ дѣлѣ, если мы представимъ, что первые буддисты были Шакіясцы, искавшіе спасенія отъ Вирудаки, то некогда имъ было думать о покроѣ платья или въ чемъ ходить; вѣдь мы не находимъ же догматическаго предписанія о томъ, чтобы бриться, равно какъ, чѣмъ питаться. Это потребовалось устроить послѣ; при Шаңавасѣ могъ продолжаться такой же точно безпорядокъ, потому что могли еще жить одни Шакіясцы, безъ примѣси собственныхъ шиддѣйцевъ.

Мы оставили въ сторонѣ рассказы объ Девадаттѣ и о Махадевѣ (оба считаются противниками буддизма), но мы знаемъ, что послѣдній едва ли не одинъ представитель настоящаго буддизма; можетъ быть, и первый былъ представителемъ стараго; легенды вышедшіе изъ споровъ и вражды школъ такъ перемѣшаны и перепутаны, что ни на что нельзя положиться. Можетъ быть, Девадатта былъ представитель стараго, первоначальнаго буддизма; новые встрѣчали его послѣдователей еще въ 8 вѣкѣ по Р. Х. въ Индіи. Не могу утверждать, но кажется это Джайны. Если это такъ и ихъ находимъ въ Магад'ѣ, можетъ быть туземцами, то мы можемъ допустить, что сначала новые буддисты должны были искать убѣжище въ Кашемирѣ, съ оговоркой: если Сакіясцы не пришли оттуда; а сила старыхъ была ничтожна; притомъ есть упоминаніе, что у послѣдователей Девадатты не было ни храмовъ, ни монастырей; съ другой стороны приводить въ недоумѣніе свидѣтельство Фа-сяня, что въ его время указывали ему хотя уже опустѣвшія Капплавасту, Рачжагриха и проч. мѣста; едва ли можно допустить, чтобъ такіе рассказы успѣли сфабриковаться со времени выхода Махасангиковъ изъ Кашмира.

Когда начинаются разногласія въ какой-либо религіи, то она обыкновенно раздѣляется на двѣ партіи (паписты и православные, арабы и персы и т. д.); потому мы должны отдать предпочтеніе утвержденію, что буддизмъ сначала раздѣлился на Старыхъ — Меньшинство: Ст'авиры и Новыхъ — Большинство: Махасангики. О послѣднихъ говорятъ, что они въ продолже-

ни первыхъ двухъ столѣтій же раздѣлились на множество школь, а, что Ставиры первые 200 лѣтъ были единодушны и только послѣ стали дѣлиться, но на этотъ разъ ставить во главѣ ихъ уже не Ст'авирь, а Локавадиновъ, даже Ватсицутриевъ; не обидно-ли? Чертъ воплотился въ Ватси, а его сдаютъ на руки Ст'авирь, которые не знаютъ, какъ откреститься и отъ Махãдевы!

Я сказалъ, что въ буддизмѣ самъ чертъ погу изломить; ничему нельзя вѣрять! Я прихожу къ убѣжденію, что во всемъ развитіи послѣдующаго буддизма участвуютъ одни Махãсангики, а Ст'авиры (хотя у Сингалезовъ и называютъ учителей Thego) не участвуютъ въ немъ.

Однако мы начали нескончаемую канитель; мы хотѣли сказать только нѣсколько словъ по случаю открытія памятника Лумбинїи. Такова я была моя настоящая цѣль, я хотѣлъ только поздравить съ этимъ открытіемъ, но въ это самое время я только что принялся за продолженіе моей 3-й части «Буддизма»; какъ разъ, когда прочиталъ извѣстіе объ открытіи памятника Лумбинїи, въ разбираемыхъ мной выдержкахъ изъ содержанія Махãсанги встрѣтился я съ слѣдующимъ текстомъ: «есть четыре опредѣленныхъ мѣста (въ которыхъ нельзя сомнѣваться): 1) мѣсто рожденія Будды, 2) мѣсто его сподвижничества, 3) мѣсто вращанія колеса, т. е., проповѣди и 4) мѣсто смерти».

Вѣрить то должно вѣрить, какъ велеть вѣрить, но тутъ возникъ духъ противорѣчїя (*inde ita*). Ну кто же у насъ нуждается въ опредѣленіи мѣста, гдѣ родился Христосъ (Вяолеемъ), гдѣ Іорданъ, гдѣ храмъ іерусалимскїй, гдѣ Голгофа? Скажутъ, что буддисты были не разъ изгоняемы (но вѣдь и христїане были притѣсняемы, прогоняемы, но они ничего не забывали) и возвращались. Странная забывчивость. А если могли забыть, такъ вѣдь могли и ошибиться въ опредѣленіи. Намъ говорятъ, что буддисты могли быть прогнаны, но памятники остались на мѣстѣ. Но можно ли вѣрить, что ихъ поставилъ Асока, жившїй 100 лѣтъ послѣ Будды, при которомъ только что началась письменность? И какъ въ то время уже могла быть рассказываема легенда о чудесномъ рожденіи Шакїямуни, — больно была нужда думать бѣжавшимъ отъ Вирудаки Шакїясцамъ о Капилавасту, еще и о Лумбинїи? Какъ однакоже могутъ воспользоваться миссіонеры тѣмъ, что буддисты хотѣли построить свой болѣе торжественный Вяолеемъ: вмѣсто яслей — роскошный садъ?

Мнѣ помнится, что въ другихъ книгахъ такихъ *опредѣленныхъ* или неподверженныхъ сомнѣнію мѣстъ насчитывается у кого восемь, у кого даже двѣнадцать. Да вотъ, подвернулся Фа-сянь съ своимъ Фо-го-ци;

въ одномъ мѣстѣ онъ перечисляетъ тѣ же опредѣленные мѣста, что и Махсанги, а въ другомъ, хотя и упоминаетъ о садѣ Думбинн, но не кладетъ его въ счетъ, а на его мѣсто ставитъ мѣсто той лѣстницы, по которой спускался Шакіямунн съ неба Тушита, на которое взбирался для поученія своей матери. Этотъ баснословный рассказъ тѣмъ интереснѣе, что подходит къ приведенной мною выше цитатѣ объ удалствѣ Шакіямунн въ стрѣльбѣ и въ счетѣ нулей, или еще глупѣе: о 32 признакахъ и 80 примѣтахъ. Такія глупости и грубости могутъ послужить, кто задумается, къ предположенію, что дѣйствительно буддизмъ начался даже не за тысячу, а за двѣ-три тысячи лѣтъ до Р. Х. Странно, кажется, допускать, чтобъ въ Индіи еще и послѣ войны Александра Македонскаго господствовало такое невѣжество, и я давно уже говорю, что родъ человѣческій шелъ съ востока на западъ; дойдя до Египта или Ассиріи, можетъ быть, въ десять тысячъ лѣтъ, научившись на этомъ пути уму-разуму, сталъ посылать и въ благодарность, и для хищнической наживы свое просвѣщеніе на В. Если скажутъ, что все-таки Китай просвѣтился хотя со временъ Конфуція, четыре вѣка предъ Р. Х., тогда какъ Индія была ближе, а такъ опоздала. Но вѣдь Египтяне или Ассиріяне (Вавилоняне) жили у моря; если Египтяне уже при Нехао объѣхали всю Африку, почему имъ было въ то время не обратиться и въ Китай? Туранцы, которые перешли на З., шли сначала по берегу моря. Ихъ не такъ давила нужда, какъ, когда они захвали въ болѣе неблагопріятный Шань-дунскій полуостровъ (родина Конфуція). Сухой путь и для номадовъ не былъ такъ легокъ, какъ для плавающихъ хотя бы и на неуклюжихъ корабляхъ. Потому движеніе въ Индію могло начаться еще позже.

Что греки могли выдавать своихъ покоренныхъ болѣе образованными, даже философами, это могло говорить въ нихъ самолюбіе: что побѣда не была легка и потому дѣлаетъ болѣе чести и славы!

Мы припомнимъ и другія нелѣпости буддійскихъ рассказовъ. Мы читали, что, когда умеръ Шакіямунн, такъ его мощи были расхвачены въ 8 частей свѣта, въ томъ числѣ и на небо. А между тѣмъ у Фа-сяня находимъ, что одинъ царь воспротивился, чтобъ Асока взялъ 8-ю часть въ его сторонѣ. И какъ будто другія 7 частей, которыми онъ надѣлилъ всѣ построенные имъ 84000 монументовъ, взяты съ мѣста сожженія трупа!

Но всего нелѣпѣе рассказъ о томъ, что въ тѣхъ же мѣстахъ, или около, гдѣ сподвизался и родился Шакіямунн, были и ступы въ честь и 3-хъ предшествовавшихъ Буддъ; и положимъ, что Шакіямунн дѣйствительно жилъ въ показанныхъ мѣстахъ, но я думаю, что простой здравый смыслъ подсказываетъ, что сперва надо было признать Шакіямунн Буддой, хотя и не въ качествѣ первой троицы, но хотя какъ перваго дву-

ногаго, а потомъ уже, когда невѣрующіе враги (брахманы) стали сомнѣваться, такъ ужъ буддисты снова понадѣлали (еще за разъ ли?) вдругъ трехъ прошедшихъ Буддъ. Сколько же должно было пройти времени отъ смерти Шакіямунни до такой проповѣди?

А между тѣмъ мы встрѣчаемъ упоминанія, что оный Девадатта соглашается, что тѣ три Будды были Буддами, а самъ-то Шакіямунни — нѣтъ!

Вотъ такъ чепуха; подите разберитесь! Мы можемъ объяснить это только тѣмъ, что Девадатта былъ представителемъ тѣхъ Ст'авиръ, которые по нашему мнѣнію, пропали въ буддизмѣ.

Потомъ насъ занимаетъ вопросъ, какимъ образомъ зашли Саки такъ далеко, хотя бы и черезъ Непаль? Вѣдь историческіе Саки должны бы двгаться сюда изъ сѣверо-запада Индіи. И мы скорѣе готовы допустить, что и родина Шакіямунни была тотъ же Кашмиръ, Кабула (кстати и имя Капила безъ васту такъ близко). Мы находимъ и у Минчжуль Хутукты Капила на сѣверъ отъ Непала. Но преслѣдованіе 250 года по Р. Х. погнало буддистовъ, какъ тучи отъ звѣздъ, сначала на югъ въ Цейлонъ, а оттуда въ Паталипутру, потомъ въ Раджагриху и далѣе. Мы знаемъ, что настоящее царство буддизма, это Восточная Индія, Асамъ, Бирма, Кохинхина, Сіамъ и О-ва. Вездѣ буддисты составляютъ легенды, между прочимъ и легенду о мѣсторожденіи Шакіямунни, о его проповѣди, о Нирванѣ. Да, но, если мы положимъ жизнь Шакіямунни за 500 лѣтъ до изгнанія его ученія изъ Кашмира, то для ловкихъ мироѣдовъ-нищихъ, для которыхъ нѣтъ ничего святого, только бы подавали, чествовали, было время для составленія легендъ. Замѣтимъ также, что теперь и всѣхъ Сакія переименовали въ Шакія.

Заклучимъ еще нѣсколькими словами о Лумбиніи и о деревѣ Бод'п; мы считаемъ это воспоминаніемъ о прежней жизни индійцевъ въ лѣсахъ, когда деревья пользовались поклоненіемъ въ первобытной (шаманской) религіи...

